

УДК 811.161.1'271

Т.Г. Рабенко*

ССОРА: РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ ЖАНРА И СРЕДСТВА ИХ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

Статья выполнена в русле актуального жанроведческого направления, обусловленного антропоцентричностью современной лингвистической науки, и обобщает данные ранее проведенных в этом направлении исследований, несколько расширяя существующие представления о специфике основных речеповедческих тактик обозначенного жанра, которые, комбинируясь, используются для достижения стратегического перлокутивного эффекта. Речевой жанр ссора предстает как особая модель речевого высказывания, структурируемого определенным комплексом жанрообразующих признаков. В качестве основополагающего вывода статьи расценивается утверждение, что жанр ссора (как и любой другой жанр) является определенным сценарием, за которым закрепляется стандартный набор речевых тактик и реализующих их языковых средств.

Ключевые слова: речевой жанр, речевая тактика, ссора, конфликт, Бахтин.

Обладая антропоцентрической направленностью, современная лингвистика помещает в центр исследовательского внимания проблему «язык и личность». В ее решении приоритетным становится пристальный интерес к результатам речевой деятельности говорящего субъекта – речевым произведениям, как правило, жанрово оформленным. Активно развивающееся в связи с этим жанроведческое направление, основанное на выделении речевого жанра (в дальнейшем РЖ) в качестве базовой единицы речи, обозначило ряд возможных аспектов исследования речежанровой организации высказывания. Данное исследование располагается в лоне речеведческого подхода, у истоков которого находится теория РЖ М.М. Бахтина. Основанный на определении РЖ как феномена речи, обозначенный аспект представляет РЖ как особую модель речевого высказывания, описание которой сводится к исчислению моделей и установлению комплекса жанрообразующих признаков, необходимых для характеристики РЖ.

В рамках всего многообразия жанровых форм традиционно выделяются РЖ, которые устойчиво ассоциируются с феноменом вербальной агрессии. Развитие коммуникативного конфликта может обретать очертания одного из наиболее распространенных жанровых образований – **ссоры**, неоднократно становившейся объектом лингвистического изучения. Являясь по своей природе комплексным РЖ, ссора предоставляет говорящему широкий спектр языковых возможностей и обладает соответственно наибольшими в сравнении со смежными жанрами конфликтогенными средствами.

* © Рабенко Т.Г., 2013

Рабенко Татьяна Геннадьевна (Rabenko@mail.ru; tat.rabenko@yandex.ru), кафедра общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, 650043, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

** Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12/14/42001а «Повседневная письменная русскоязычная культура Кузбасса: жанры речи».

Целью данной статьи является описание речевых тактик, сопряженных с РЖ ссоры, и выделение языковых средств их реализации. В качестве фактологической базы исследования выступают материалы указанного РЖ, извлеченные из произведений отечественной художественной литературы преимущественно XX в. Как одна из наиболее острых форм конфликтного взаимодействия людей ссоры широко представлена в литературе, «поскольку является самым ярким сюжетобразующим началом и позволяет художникам слова наблюдать... поведение персонажей в особо жестких, иногда экстремальных ситуациях» [1, с. 179]. Данная статья продолжает серию исследований РЖ художественного дискурса [2; 3].

Правила, по которым разыгрывается жанровое действие ссоры, предоставляют коммуникантам определённую свободу речевого поведения. Последняя, в свою очередь, проявляется в выборе внутрижанровых тактик, то есть комплекса языковых единиц, оптимальных для достижения цели коммуникации. Внутрижанровые тактики зачастую сопрягаются между собой для наиболее эффективной реализации коммуникативной интенции и зависят от индивидуальных свойств языковых личностей участников общения, а также от остроты самой конфликтной ситуации [4, с. 117].

В начале сюжетного развития ссоры возможна тактика **возмущения**, связанная в большинстве случаев с негативной реакцией на какой-либо проступок собеседника:

– *Это ... я деньги потерял. Сто двадцать рублей.*

– Где?

Тут он (муж) невольно хмыкнул.

– Да если б я знал.

– *Ну, не-ет!! – взревела она (жена). – Ухмыляться ты теперь до-олго не будешь! [...] Месяцев девять, гад! (Шукшин, Микроскоп).*

Словесная перебранка между супругами активно поддерживается тактикой **оскорбления**, реализуемой, как правило, в кульминационных стадиях развития ссоры и развертываемой в прямой:

– *Я тебе поговорю, подворотня чертова (Шукшин, Мой зять украл машину дров), или, реже, косвенной:*

– *От женщин ничего хорошего ждать не приходится. У женщин с логикой вообще слабо! (Катасонова, Вишневый омут) форме.*

Семиотическим маркером тактики оскорбления является инвективная лексика, выступающая в ряде случаев как заменитель физической агрессии. Арсенал вербальных оскорблений достаточно богат, однако в его основе лежит около десятка наиболее популярных корней (дур(а), черт, идиот, сука, гад, сволочь и др.), что объясняется очевидной древностью этого лексического слоя, особыми условиями функционирования устной речи (необходимостью быстрого реагирования, отсутствием времени на обдумывание ответа), где преимущественно реализуется инвектива [5, с. 18].

Реакция на вербальный стимул в большей степени зависит от типа личности, ее состояния в данный момент. Поэтому одна и та же вербальная агрессия может быть воспринята адресатом в самом широком эмоциональном диапазоне: от попытки адресата смягчить вербальную агрессию:

Дождавшись далеко за полночь, Коля встретил жену отменной бранью:

– *Ах, ты, потаскуха, нагулялась уже. Уж и не чаял увидеть тебя!*

Ничуть не смутившись, захмелевшая Натаха игриво улыбнулась:

– *Дорогой, те не представляешь, какая на улице чудесная погода.*

Коля плюнул в пол и закрылся в противоположной комнате (Корсунков, Месяц над рекой);

до стремления возразить, найдя для этого многообразные способы словесного отпора:

Василий вернулся с работы хмурый. Жена еще издали заметила эту хмурость и предупредила детей, чтобы не попадались отцу на глаза. Переступив порог, Василий исподлобья глянул и буркнул:

— Куда это ты принарядилась, сучка драния?!

— Чего это ты лаешься, скотина! В гараже собачишься и дома туда же, замолчи! Житья от тебя нет (Куропатов, Как-то по осени).

Откровенная грубость коммуникантов порой делает невозможным их дальнейшее общение, отсюда стремление говорящего не поддерживать или прервать коммуникацию:

Васенька (вырывается): Пусти! Оставайся с ним сам, если тебе хочется! Вы мне все осточертели! (Бусыгину) И ты тоже! Пусти, тебе говорят! Я и видеть-то вас не могу! (Вампилов, Старший сын).

Оскорбленный собеседник прибегает и к другой форме отказа от дальнейшего общения — высказыванию, побуждающему партнера замолчать:

— Молчать! А то договоришься у меня! Молокосос. Сопляк (Шукшин, Мой зять украл машину дров)

либо вообще уйти [6, с. 17]:

— Уходи, я тебе говорю! И вообще можешь не показываться! (Вампилов, Утиная охота).

Большой конфликтной силой обладают императивы. Любое высказывание, имеющее форму приказа, ставит адресата в подчиненное положение. Прагматическая задача вербальной агрессии — выразить неприязнь к оппоненту и этим заявить о своем доминировании; влияя на эмоциональную сферу адресата, всячески понизить статус последнего, уровень его самооценки, доказать тем самым свое превосходство, а значит, способность диктовать свою волю. Потому для конфликтной ситуации характерен властный, командный тон:

— Молчать! Как стоишь? Пузо подбери. Как стоишь, я тебе говорю? Кругом! Что тебе сказано? (Розов, Гнездо глухаря).

Достаточно обидный способ унижения собеседника — употребление в качестве инвективы сравнения с животным для номинации частей человеческого тела (морда, лапы, пасть, шкура и др.): — Курва фашистская! погоди, я тебе хрюкало скособеню... (Чугунов, Прости меня завтра) или использование инвективы для номинации своего оппонента (зоонимическая метафора): — Ну, ты, коза! — вздернулся мужчина, — побереги зубки! (Корсунков, Очередь); — Я тебя, собаку, пристукну! (Чугунов, Прости меня завтра). В адрес оппонента звучат и деструктивные пожелания (смерти, увечий, разрушений и т.д.): — Чтoб вы сдохли все! (Кунин, Интердевочка).

По мере развертывания конфликтной ситуации возможна реализация тактики **обвинения**, сводящейся к признанию оппонента в чем-либо виновным, приписыванию ему какой-либо вины:

— На дорогу деньги надо.

— А ты их приносишь, чтобы брать?! — взметнулась Татьяна. — Приносишь, алкоголик несчастный, козел ты!? У других мужья как мужья — все в дом, а этот из дома (Бобриков, Обход).

В данном диалоге используется один из наиболее типичных приемов ссоры — обозначение своего собеседника местоимением третьего лица (э т о т) как средство его демонстративного игнорирования.

Грамматическим показателем конфликтного речевого высказывания является осознанное нарушение норм речевого этикета:

(Марина застала мужа в обществе девушки Виктории)

М. ...связалась со стариком, бесстыдница!

В. Перестаньте! Сначала разберитесь ...

М. Молчи, вертихвостка!

В. Слушайте! [...]

М. Замолчи, негодяйка!

В. (вышла из себя) Сама вы негодяйка!

М. Мерзавка!

В. От мерзавки слышу!

М. Да я тебе сейчас все косы повыдергаю! (Вампилов, Провинциальные анекдоты).

Виктория, желая поначалу нейтрализовать назревающий конфликт, пытается указать на необоснованность обвинений оппонента, но терпит поражение. В кульминационный момент развития ссоры осуществляется сюжетный поворот в речевом поведении Виктории: вместо вежливого ВЫ в пылу ссоры звучит фамильярное ТЫ. Подобный прием словесной перепалки, инициируемый Мариной с целью огрубления межличностных отношений, позволяет ей выразить свое негативное отношение к оппоненту, выплеснуть свой гнев, поколебать его эмоциональное равновесие.

Речевому поведению героини А. Вампилова присущ и такой разящий прием эмоционального воздействия, как **угроза** – разновидность обещания, основная функция которой связана с переопределением границ конфликтного взаимодействия: говорящий посредством сообщения о намерении совершить в будущем действие, нежелательное для адресата, изменяет социально-психологическую иерархию позиций участников ситуации и тем самым увеличивает социально-психологическую дистанцию между ними: *Да я тебе сейчас все косы повыдергаю!* Иллокутивная функция угрозы связана с изменением поведения собеседника путем вызова у адресата чувства страха и посредством этого воспрепятствование действию или намерению его реализации адресатом либо косвенная экспликация негативной оценки совершенного факта или события. Цель угрозы – заставить адресата подчиниться воле говорящего и выполнить действие, идущее в разрез с его (адресата) интересами. Средство достижения этой цели – запугивание. Среди языковых средств, маркирующих конфликтные РЖ, «особо чувствительными» к конфликтному компоненту оказываются лексико-семантическая и грамматическая система [7]. Ядро РЖ угроза – глагол. Отличительной особенностью угрозы является отсутствие в реализующем ее речевом высказывании перформатива «угрожать», поскольку в данной ситуации адресанту необходимо маскировать коммуникативное намерение путем опущения перформатива, так как потенциальное осуждение и возникающее из этого осуждения сопротивление при употреблении перформатива вызывает сопротивление собеседника и мешает говорящему добиться повиновения [8, с. 90]. Использование перформативного глагола в РЖ угроза приводит к тому, что З. Вендлер называет «иллокутивным самоубийством». В речевом высказывании, содержащем угрозу, говорящий вынужден проявлять свои агрессивные намерения с помощью иных лексических средств. В большинстве своем агрессивные намерения адресанта выражаются глаголами (чаще стилистически маркированными) ЛСГ физического воздействия на объект. Среди них:

1. Глаголы нанесения удара: бить/побить, ударить, опоясать, взгреть, огреть, ошарашить, садануть, двинуть и др. Действие может выражаться дополнительными лексическими средствами, указывающими на инструмент действия и нередко на часть тела, которой будет нанесено повреждение: ударить кастрюлей по башке, дать... по лбу, шее, туфлей по морде, физиономии, настучать... по башке, ушам, кумполу, тыкве и т. п.;

2. Глаголы удаления объекта: вышвырнуть, выкинуть, выдворить, выставить (вон) и т. п.;

3. Глаголы повреждения объекта: вырвать волосы, язык; оторвать, открутить... руки, ноги, уши, голову, башку; разбить морду, (по)выдергать косы и т. п.;

4. Глаголы отрицательного воздействия на объект: уработать, уложить, уничтожить, ликвидировать, карать, наказать, расстрелять, размазать (по стеклу), убить, укатать; показать кузькину мать; показать, где раки зимуют; прижать хвост и т. п. [9].

Грамматические маркеры РЖ угроза – особые синтаксические конструкции: а) среди них наиболее частотны синтаксические конструкции с условным компонентом [10]. Семантическая структура такого рода угрозы включает в себя номинацию действия, выполнение которого требует говорящий, и номинацию действия (определенная штрафная мера), которое обязуется выполнить говорящий в случае неповиновения и которое не соответствует интересам адресата. Условно подобного рода отношения можно представить таким образом: *(если) ты сделаешь X, (то) я сделаю Y, что не в твоих интересах.*

Возможны речевые высказывания, где отсутствует одна из двух частей, к примеру, высказывания без вербализации предполагаемого действия: – *Если ты сейчас не заткнешься... (Чугунов, Прости меня завтра).* В высказываниях такого рода не актуализируется то, каким образом говорящий собирается причинить вред адресату, что оставляет в дальнейшем за говорящим право выбора любого средства «наведения страха».

В системе наиболее частотных средств реализации угрозы намечается грамматическая парадигма, ориентированная на лексическую семантику предиката:

Я тебе (ему, ей) + глагол физического воздействия (+ объект воздействия) (откручу башку, оторву голову и т.п.);

Я тебе (ему, ей) + глагол, называющий действие, совершаемое адресантом и вызывающее неодобрение адресата (полежу на диване, пройду без очереди и т. д.);

Я тебе ... с незамещенной синтаксической позицией предиката (подобное высказывание довольно часто сопровождается соответствующим невербальным поведением, к примеру, помахиванием перед лицом оппонента указательным пальцем);

Я тебе + фразеологизм (покажу кузькину мать; покажу, где раки зимуют; поприжму хвост и т. п.).

Вышеперечисленные средства реализации коммуникативных намерений адресанта являются специфичными для угрозы и определяют своеобразие ее жанровой природы.

Таким образом, РЖ представляет собой определенный сценарий, за которым закрепляется стандартный набор способов речевых действий, их последовательность в развитии коммуникативного события. РЖ ссоры, как и всякая иная жанровая форма, обладает собственным репертуаром языковых средств, сигнализирующих о целях и интенциях коммуникантов.

Библиографический список

1. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000. С. 179–195.

2. Рабенко Т.Г. Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13(194). Вып. 43. Филология. Искусствоведение. С. 122–126.

3. Рабенко Т.Г. Жанр утешение и средства его языковой реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4(52). Т. 4. С. 107–111.

4. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 14.

5. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль, 1990. 81 с.
6. Федосюк М.Ю. «Стиль» ссоры // Русская речь. 1993. № 5. С. 15–19.
7. Третьякова В.С. Лексические средства конфликтности в коммуникативном акте // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск, 2005. С. 37–41.
8. Богданов В. В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста: сб. науч. тр. Калинин, 1983. С. 83–102.
9. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 1020 с.
10. Быстров В.В. Полииллокутивность речевых жанров угрозы с условным компонентом // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме: сб. науч. тр. Тверь, 1999. С. 146.

*T.G. Rabenko**

QUARREL: SPEECH TACTICS OF GENRE AND MEANS OF ITS LINGUISTIC REALIZATION

This article is performed in the channel with a topical genre study direction conditioned by anthropocentricity of modern linguistic science and it summarizes the data of previous research in this direction and extends existing ideas about the specificity of main speech and behavioral tactics of the identified genre, which being combined are used to achieve strategic perlocutionary effect. Speech genre of «quarrel» is presented as a special model of speech utterance which is structured by a certain complex of genre constitutive signs. As a fundamental conclusion of the work statement that genre of «quarrel» (as any other genre) is a particular script, which is fixed for by a standard set of speech tactics and linguistic means realizing it.

Key words: speech genre, speech tactics, quarrel, conflict, Bakhtin.

* *Rabenko Tatyana Gennadievna* (Rabenko@mail.ru; tat.rabenko@yandex.ru), the Dept. of General Linguistics and Slavic Languages, Kemerovo State University, Kemerovo, 650043, Russian Federation.